

УДК 725.945.1(470+571)"19"
ББК 63.3(2)622-08+85.136.155(2=411.2)6

КОЛЯГИНА Н.К.

МОСКОВСКИЕ ПАМЯТНИКИ ГЕРОЯМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КОНЦА 1990-х — СЕРЕДИНЫ 2000-х гг. В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ И АМЕРИКАНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ ВОЕННОЙ КОММЕМОРАЦИИ

Статья посвящена обзору памятников событиям и участникам Великой Отечественной войны, установленных в Москве в первые десять лет работы Московской городской комиссии по монументальному и декоративному искусству. Проанализирован механизм согласования и установки новых памятников в Москве. Обращаясь к концепциям военных памятников, предложенным Дж. Майо, Дж. Моссе, Э. Линенталом, Дж. Уинтером и др., автор статьи делает попытку раскрыть, что подобные монументы могут символизировать в современном пространстве Москвы, какая история избирается инициаторами установки для закрепления в коллективном сознании, и напротив, о чем подобные памятники не рассказывают.

Ключевые слова: памятник, коммеморация, историческая политика, коллективная память, образы истории, Вторая мировая война, Великая Отечественная война.

Социальные группы участвуют в дискуссиях о собственной идентичности, используя вербальные и материальные памятники прошлого. Этот вопрос широко представлен в академических публикациях конца XX в., авторы [18; 19; 21; 24] констатируют, что коллективная память играет важную роль в поддержании национальной и групповой идентичности. При этом содержание коммеморативных текстов и практик часто определяется уже готовыми представлениями о себе самих, в них чаще всего не создаются или осмысляются заново, а воспроизводятся уже существующие в культуре образцы. Коллективные представления о прошлом нередко радикально расхо-

VIII

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

дятся с историческим событием, они могут значительно отличаться от индивидуальных воспоминаний, архивных свидетельств или иных источников. Это положение одним из первых сформулировал М. Хальбвакс [15], затем оно было подробно разработано исследователями — историками, социологами, антропологами, психологами [2; 4; 20; 28; 31].

Для поддержания коллективной памяти социальные группы пользуются разнообразным набором средств. Такими средствами могут быть письменные и устные предания, обряды, ритуалы, праздники. Известный исследователь египетской цивилизации Я. Ассман показал, что одним из наиболее действенных способов удержания воспоминаний служат образы, а также их связь с определенным местом, локусом [3, с. 21]. Памятник, таким образом, является одним из инструментов закрепления и передачи через поколения коллективных представлений о прошлом. Через систему определенных кодов он передает современникам и будущим поколениям информацию о социальной общности группы, которой обязан своим появлением. Памятник, как показывает Р. Дебрэ, является весьма удобным медиумом, переключающим наблюдателя из повседневности в модус вневременности, вечности [7, с. 22]. Такой объект специально сконструирован, чтобы воздействовать на зрителя определенным образом, связывать его с коллективными представлениями о прошлом, служить отправной точкой для его собственных воспоминаний и даже корректировать их.

Разнообразные репрезентации прошлого подчас выступают инструментом в борьбе за утверждение той или иной социальной группой права на номинацию. Прошлое объясняется в соответствии с нуждами элит, имеющих доступ к публичному выражению смыслов и претендующих на истинность таких сообщений.

Если обратиться к практике установки памятников в России 2000-х гг., то решения об их появлении принимаются, как правило, на уровне муниципальных структур. Например, в Москве вопрос о возведении нового памятника решается Московской городской Думой, которая выносит свои решения на основании заключений специальной Комиссии по монументальному и декоративному искусству, созданной в 1997 году. Комиссия состоит из экспертов — искусствоведов, архитекторов, руководителей строительных объединений, не входящих в Московскую городскую Думу. Комиссия рассматривает заявки, поступающие со стороны частных лиц и организаций (в них содержится описание проекта памятника или его макет). На их основании составляется список монументов, которые Комиссия считает целесообразным установить в столице. Ее члены не вправе выносить на рассмотрение собственные проекты, но они могут скорректировать или отклонить поступающие к ней на суд предложения. Этот список затем утверждается Думой и, наконец, мэром. Как правило, городская Дума не возражает против решений Комиссии. Часть памятников из ратифицированного списка оплачивается из городского бюджета, но есть возможность привлечения внебюджетных средств (об этом

делаются специальные отметки в протоколах заседания). На сайте Мосгордумы (<https://www.duma.mos.ru/ru/>) по поисковому запросу можно найти протоколы всех заседаний Комиссии, начиная с 1997 г. (на основании этих протоколов был проведен дальнейший анализ).

Для сравнения, в США действует несколько иной механизм установки мемориальных объектов. Вопросами военных коммемораций занимается Комиссия американских военных монументов (American Battle Monuments Commission). Ее руководитель назначается президентом США, но она работает и принимает решения независимо от правительства. Монументы возводятся на средства пожертвований. В Германии установка нового памятника — дело городских сообществ. Инициативная группа или скульптор должны собрать подписи жителей города в поддержку того или иного проекта. Если речь идет о памятнике федерального значения и решение установить его транслируется органами власти, то проекты таких монументов выставляются перед установкой для публичного обсуждения, сведения о конкурсе освещает местная пресса. Выбору итогового проекта предшествуют общественные слушания и голосования.

В российской практике к мнению простых горожан обращаются, как правило, в спорные моменты, когда Комиссия по монументальному искусству не может принять однозначного решения, а на том или ином выборе настаивают политические или деловые элиты. Так, например, к мнению горожан обращались в Омске по вопросу о целесообразности установки в городе памятника Колчаку, в Волгограде, когда обсуждалась возможность дара городу памятника З. Церетели, посвященного Ялтинской конференции. Обсуждения этих памятников раскололи во мнении местные монументальные комиссии, и они не могли прийти к однозначному решению [8].

Обращаясь к работе Комиссии при Мосгордуме в течение первых десяти лет (с 1997 по 2006 г.), отметим, что большинство новых памятников городского значения связаны с военной историей. Из 92 одобренных в эти годы проектов 47 — это памятники, так или иначе посвященные военным событиям. На втором месте по популярности — памятники деятелям культуры (26 проектов), ученым и государственным служащим (по пять проектов), инженерам, спортсменам (по два). Два памятника посвящено трагическим событиям мирного времени, один — теме образования.

Согласно мнению Дж. Уинтера, традиционные военные монументы основаны на определенном понимании истории: участники войны изображаются героями, война — справедливой, память об этих людях представляется священной [30]. Дж. Майо полагает, что военные мемориалы выступают механизмами «символизирования и оправдывания истории» и являются способом символического сплочения нации как единой сущности [23]. П. Карриер также выделяет в одну группу памятники военным событиям и деятелям культуры, называя их «национальными монументами», которые он противопоставляет монументам жертвам (входящим в его классификации в

группу «транснациональных монументов») и «диалогичным памятникам»; задача последних — пригласить зрителя к диалогу, заставить его задуматься о смысле памяти [17]. Для отечественных реалий 2000-х гг. актуальной политической задачей представлялся поиск оснований для объединения в новую российскую нацию постсоветского образца людей, весьма различающихся по социальному статусу, региону проживания, этнической культуре, религиозным убеждениям. Поводом для такого символического объединения выступали коллективные представления об общей славной истории, предпочтительно недавней, затрагивающей семейные воспоминания, память о победоносных войнах.

Военные монументы могут выполнять и важные общественные задачи. Это доказывает американский историк К. Саваж на примере американских монументов XIX в., посвященных событиям Гражданской войны в США [27]. Именно военной тематике обязаны первые памятники, изображающие представителей национальных и расовых меньшинств США. Мемориалы американским солдатам войн во Вьетнаме и Корее оживили ряд важных общественных дискуссий по вопросу «несправедливых войн» [23].

В то же время, как показывает американский исследователь Дж. Моссе, масштабные государственные компании по увековечению памяти погибших на войне солдат приводят к усилению в обществе националистических настроений [26]. В таком случае доминирование военных памятников в городском ландшафте можно расценить как вызывающий опасение синдром.

Автор книги «Священная земля: американцы и места их сражений» Э. Линентал отмечает, что памятники военным событиям часто выступают «нейтральной» частью городского пейзажа, позволяющей оживить и придать символическое значение часто невыразительным улицам и площадям [22]. Впрочем, исследователь архитектуры Дж. Майо замечает, что уже к концу 1980-х гг. в США подобные объекты часто воспринимаются как раритетные и даже потерявшие смысл — они утратили роль символического центра в городской среде [23, р. 209].

Несмотря на отличительные нюансы, все эти наблюдения говорят о важной задаче памятника — быть организирующим началом городского пространства, присваивать ему особый смысл. Возведение монумента оказывается важным событием для жителей если не города, то района. Архитектура городской среды, изначально находясь в ситуации отсутствия семиосферы, как убедительно показывает теоретик архитектуры Г. Ревзин, сталкивается с необходимостью эту знаковую сферу создать, подыскивать ей пространственный аналог [13, с. 67]. Но если для американского опыта 1990-х гг. традиционные военные памятники выглядят неким анахронизмом, для России 2000-х гг. они, напротив, актуальны. Постараемся разобраться в этой ситуации.

К каким войнам отсылают памятники, возведенные в Москве в 2000-х годах? Если судить по тематической популярности, событием номер один в коллективной рос-

сийской памяти этого периода является Великая Отечественная война. Из 47 военных памятников этой войне посвящено 28 проектов. Среди остальных отмеченных вниманием скульпторов сюжетов — русско-турецкие войны, войны Петровских времен и Куликовская битва (по два памятника), Русско-японская война, Первая мировая война, Гражданская война (по одному). Также представлены памятники, отсылающие к военной тематике, но не к конкретным войнам, например, были установлены монументы Солдату Отечества, Гвардейцу. Несколько большее внимание уделяется конфликтам в «горячих точках» (этой теме посвящено пять мемориальных объектов).

В целом отмеченный дисбаланс в выборе предпочтительных тем для военных памятников подтверждает наблюдения многих исследователей об исключительном месте, которое память о победе советского народа во Второй мировой войне занимает в современном российском сознании [5; 6]. Появление столь большого числа памятников, посвященных теме Великой Отечественной войны, в значительной степени связано с традицией юбилейных чествований. Так, большинство новых памятников появилось преимущественно в 2001 и 2004—2005 гг., а в 2006 г. их число резко сократилось по сравнению с 2005 г. (помимо спада числа тематических заявок, Комиссия даже отклонила несколько соответствующих запросов). Однако ослабление интереса к тематике не отменяет присутствия уже установленных монументов в городской среде.

Парадоксально, но российская мемориальная традиция увековечения героев и жертв войны 1941—1945 гг. наследует европейскую культуру коммемораций, сложившуюся после Великой, или Первой мировой, войны. В 1920-е гг. во многих странах Европы получили чрезвычайную распространенность такие формы памятников, как стелы-кенотафы, памятники простым солдатам (собирательный образ), в противовес традиции XIX в. увековечивать исключительно полководцев и военачальников. Почти одновременно в ряде европейских столиц (Лондоне, Париже, Варшаве) появились первые могилы неизвестному солдату и вечные огни. Памятниками войны впервые стали и орудия военной техники (например, в качестве памятника используется артиллерийская пушка, установленная у Имперского военного музея в Лондоне, или подводная лодка на Балтийском берегу в Киле, Германия). Одним из распространенных сюжетов, запечатленных скульпторами, было изображение оплакивающих свою потерю женских фигур. Одной из форм организации пространств памяти о павших солдатах становятся и обширные массовые кладбища, оформленные с использованием однотипных крестов или надгробных камней (что подчеркивало тотальность и всеохватность войны, масштабность ее жертв), например, архитектурное устройство кладбища в Вердене (Бельгия) или кладбища Лоун Пайн (Турция).

Европейская коммеморативная традиция в отношении Второй мировой войны в чем-то подхватывается и продолжает поиски архитекторов 1920-х годов. Эту преемственность интересно проследить на примере го-

родских мемориальных кладбищ Франции, Германии, Италии, где поставленные в память о погибших в Первой мировой войне земляках стелы дополняются списками ушедших на фронт и не вернувшихся солдат новой войны. Но коммеморативные практики в отношении Второй мировой войны претерпевают и серьезные изменения, они углубляют сложившуюся традицию. П. Карриер, один из исследователей памятников жертвам Холокоста в Германии и Франции, говорит в связи с их появлением о зарождении новой, транснациональной, традиции монументов [17]. Такие монументы, в отличие от тех, что создаются в русле национальной парадигмы памяти, не направлены на выработку положительного образа прошлого или сплочение группы вокруг идеи нации, а выстраиваются вокруг представлений о вненациональном характере памяти, предлагают некоторые основания для объединения вокруг общеевропейской системы ценностей. Новые транснациональные памятники напоминают зрителям об идее ответственности за прошлое, посвящены не победителям, а жертвам; не восхваляют большинство, но признают и различают наличие в социальной общности меньшинств. Создаются новые памятники, посвященные, например, женщинам или детям — эти группы исключительно редко избирались на роль героев памятника в предыдущую эпоху. Появляются монументы, авторы которых намерены разглядеть в истории лица, долгое время остававшиеся словно бы за скобками. Постепенно «приоткрывается дверь» (по замечанию Дж. Джиллиса) для воспоминаний о войне, принадлежащих национальным и сексуальным меньшинствам [20, р. 13]. Таковы, например, памятники представителям цыганских народностей синти и рома, а также гомосексуалистам — жертвам национал-социализма (установлены в Берлине в 2012 г.). Если брать более ранние (и релевантные настоящему анализу мемориальной политики 2000-х гг.) примеры, можно вспомнить о мемориале жертвам Холокоста в Будапеште (выполненном в форме обуви из железа, которая размещена на берегу Дуная на месте расстрела венгерских евреев в 1944 г.) или известный берлинский Памятник убитым евреям Европы (представляет собой обширное пространство у здания Рейхстага, застроенное бетонными плитами разной высоты).

В Советском союзе память о Второй мировой — Великой Отечественной войне изобиловала многочисленными лакунами. «Непомерное повторение одних воспоминаний и целенаправленное исключение всех остальных представлялось формой цензуры, настолько же мощной, как любой покров официального отрицания. Определенные виды боли, включая, например, детское ощущение неестественности приемных семей, или особая скорбь выживших после Холокоста евреев, были исключены из общественной дискуссии», — отмечает К. Мерридейл [25, р. 76]. Это естественным образом отразилось на массовой политике возведения памятников.

В русле европейской и американской традиции, зародившейся после Первой мировой войны, в СССР считалось важнейшей символической задачей почтить память

каждого погибшего в войне Великой Отечественной. Это, безусловно, было связано с беспрецедентным числом потерь в этой войне, а также с тем, что заботу о сохранении памяти о погибших в первые послевоенные десятилетия естественным образом взяли на себя родственники и земляки павших. Появилось большое число стел-кенотафов практически в каждом из больших и малых населенных пунктов страны, откуда добровольцы уходили на фронт. Списки имен фронтовиков мы встречаем не только на городских и сельских кладбищах и специальных, выделенных местах поминовения, они присутствуют и на стенах многих школ, больниц, заводов, жилых домов. Каждый не вернувшийся в войны был почтен в появившихся во многих городах могилах неизвестного солдата и вечных огнях, обе формы коммеморации были позаимствованы из принятых в Европе, в первую очередь в Англии и Франции, практик увековечения героев Первой мировой войны (первая могила неизвестного солдата появляется в Лондоне в Вестминстерском аббатстве в 1920 г., в Париже в 1921 г. был впервые зажжен вечный огонь). Как отмечает Дж. Джиллис, такие памятники, вызывающие воспоминания обо всех конкретных людях, «были единственной возможностью материализовать память об ужаснейшем периоде в одном конкретном месте» [20, р. 11].

Что касается современных российских памятников, посвященных Великой Отечественной войне, можно отметить, что они в значительной степени следуют сложившейся в советские годы мемориальной традиции.

Часто они не учитывают современный западный опыт работы с коллективными воспоминаниями о войне и те трансформации, которые произошли в европейской мемориальной традиции на протяжении XX века. Ярким примером тому является мемориальный комплекс на Поклонной горе: здесь, в музее и парке, мы встретим практически все из наиболее популярных форм увековечения солдат Первой мировой войны, сложившихся в 1920-е гг. в Европе. Так, одним из главнейших принципов организации этого музея и парка является перечисление: детально указано, сколько дивизий участвовало в боевых действиях, делается попытка визуальными средствами передать число жертв. Длинным спискам героев отведены отдельные пантеоны и залы славы музея. Подсчитаны материальные потери Советского Союза, единицы вооружения воюющих сторон, количество гуманитарной помощи, привезенной по ленд-лизу, и т. п. Знаменитая стела «Ника» работы З. Церетели, украшающая вход в мемориальный комплекс, имеет высоту 142 м, что символизирует 1 420 дней войны. За этими перечислительными рядами из внимания опускаются такие важные для современности темы, как природа фашизма, ненависти, нетерпимости, механизмы пропаганды и идеологической проработки сознания людей. Нет рассказов о личных переживаниях в экстремальных ситуациях, индивидуальных судьбах людей. Несмотря на внушительные размеры экспозиций, в музее фактически отсутствуют многие темы, о которых умалчивалось и в советской историографии: не раскрывается история освобождения Восточной Европы (не поддается сомнению

сам дискурс «освобождения»), Холокост, послевоенные социальные программы в Европе и СССР (положение инвалидов, сирот, вдов, судьба людей, вернувшихся из нацистских лагерей для военнопленных или остарбайтеров). Война представлена исключительно как феномен прошлого. Ее история оказывается практически закрытой, не проработанной, непредставимой для современников, но сам опыт участия в войне, победа используются, скорее, как идеологический ресурс. Произошедшее описывается в категориях славы, героизма, подвига. Важнейший урок, который может и должен быть вынесен посетителем — гордость за страну, победившую фашизм.

Подобным образом устроены и памятники Великой Отечественной, установленные в 2000-е гг. в Москве вне данного мемориального комплекса. В их ряду можно выделить проекты, посвященные военачальникам и героям: памятник маршалу Н.Н. Кожедубу (два памятника), маршалу А.И. Покрышкину (два), летчику В.В. Талалихину, маршалу К.К. Рокоссовскому (два), адмиралу Н.Г. Кузнецову, летчику М.В. Водопьянову. Многие из подобных монументов не могли появиться в Советском Союзе — в силу исключения ряда биографий из официального нарратива о войне, а потому решение Комиссии, утвердившей их, возможно, было продиктовано стремлением восполнить имеющиеся на карте памяти лакуны.

Война в памятниках представлена в своем парадном ракурсе. Однако отказ от публичного обсуждения трагических, сложных и неоднозначных страниц прошлого может привести к размыванию границ между историей и мифом. Как убеждает английский историк идей П. Берк, прошлое совершенно не нужно спасать от воспоминаний о смешных, нелепых или смущающих событиях — всего того, о чем предпочитают умалчивать. Именно такие рассказы могли бы освободить людей от опасной иллюзии, что прошлое, настоящее и будущее можно разложить на простую борьбу между добром и злом [16, р. 110].

Другая тематическая группа — памятники участникам военных событий — представителям разных профессий, национальностей, жителям отдельных районов города, даже животным. Подобные мемориальные объекты географически равномерно распределены по карте столицы, захватывая территории, облюбованные туристами, или, напротив, посещаемые преимущественно жителями конкретных «спальных» районов. Например, стела Тушинцам — участникам Великой Отечественной войны, монументальная композиция, посвященная памяти участников войны — жителей Северного административного округа Москвы, памятник летчикам, базировавшимся на территории Жулебино, памятник подвигу жителей Центрального административного округа, стела воинам — работникам Московского судостроительного и судоремонтного завода, памятник воинам-связистам, памятный знак воинам-зенитчикам, памятный знак цыганам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, памятник воинам авиаполка «Нормандия-Неман», памятник фронтовым лошадям, фронтовым собакам и др. Это подкрепляет идею о тотальности военного опыта и, главное, участия

в победе, к чему имеют отношение жители всех районов, представители различных социальных групп. Интересно, что подобные памятники не отличаются стилистическим разнообразием (наиболее распространены такие формы, как стелы и памятные знаки).

Типичной является, например, монументальная композиция, посвященная памяти участников войны — жителей Северного административного округа Москвы (скульпторы Н. и А. Вяткины). Памятник представляет собой аллегорическую женскую фигуру с воздетыми руками. Трудно сказать определенно, к чему именно отсылает этот образ: служит ли он олицетворением победы, подвига, славы, символизирует ли Родину-мать... По-видимому, скульпторы и не ставили перед собой задачу пояснить значение женской фигуры. На ее месте могла оказаться простая стела. Здесь важно не рассказывать или дополнять зрительские знания о войне, а, скорее, отсылать к уже сформированному комплексу представлений о ее событиях. Этот памятник иллюстрирует и общую особенность современных столичных монументов, посвященных войне 1941—1945 гг.: они будто бы являются репринтами старых, советских памятников, в доступной и знакомой манере отсылая к общеизвестному, являясь архитектурными дейктическими знаками, значение которых останавливается на самих себе.

Памятники, выходящие за рамки традиционной советской тематики, также принадлежат консервативной художественной традиции. Фигура генерала де Голля у гостиницы «Космос» (скульптор З. Церетели) вознесена на четырехметровый постамент, как бы сообщая зрителю о его обреченности «наблюдать историю» снизу вверх. Между героем на пьедестале и обычным наблюдателем не может быть близости и равенства, в пространстве памяти остаются четко маркированные зоны — «раньше и теперь», «героическое и ординарное», «вечное и повседневное». Де Голль, приподнятый над окружающей площадью, вынесен и за пределы зрительского интереса и участия.

Схожее впечатление производит монумент эскадрилье «Нормандия-Неман» в районе Лефортово. Выполненные в реалистической манере трехметровые статуи, представляющие фигуры французских летчиков, включают в традиционный нарратив о Великой Отечественной войне историю союзных войск. Но вряд ли они способны вызвать зрительское сочувствие или повышенный интерес к истории, скорее, производят впечатление чего-то величественного, подавляют, лишают зрителя возможности задавать вопросы. Метафорически говоря, вместо вопроса или многоточия такие памятники ставят в конце высказывания восклицательный знак, отменяя возможность диалога. В подобной инертности избираемых скульптурных форм можно увидеть следование канонам поздней советской традиции.

В противовес консервативной традиции существует и иная, в частности, таковы получившие распространение в Европе в 1980-е гг. художественные интервенции в область мемориального искусства. Представители этих течений настаивают на использовании средств современного искусства и привлечении разнообразных стратегий для

взаимодействия со зрителем. Памятник, согласно данному подходу, должен ставить новые вопросы как собственно к истории, так и по отношению к феномену памяти. Воспоминания должны присутствовать в повседневности, преодолевая разрыв между прошлым и настоящим. Сторонники этого направления выступали за освобождение истории от ассоциаций со школой, архивом, библиотекой [29; 32].

Многие из подобных идей были подсказаны постмодернистским метаисторическим дискурсом конца XX в., когда, по словам Й. Рюзена, «историков стало меньше интересовать воссоздание структурных условий человеческой деятельности в прошлом и объяснение посредством этого реальной жизни народа. Вместо этого они концентрируют внимание на способе, каким люди воспринимали и интерпретировали их собственный мир. Они проникают в сознание изучаемых людей, пытаюсь тем самым вернуть им культурную самостоятельность восприятия их собственного мира характерным для них способом, который отличается от нашего» [14, с. 22]. С 1980-х гг. для западных практик коммеморации характерно учитывать высказываемые современными историками, исследователями памяти идеи о том, как в современном обществе следует выстраивать отношения, общественную рефлексию по поводу прошлого.

Можно обнаружить влияние подобных подходов к созданию памятников и в мемориальных сооружениях современной России. Однако такие монументы обычно рассказывают не о войнах. Например, интересной представляется «перекодировка», произошедшая с памятниками советским вождям в парке скульптур Музеон в середине 1990-х гг., когда величественные фигуры советских памятников Сталину, Дзержинскому, Свердлову, выполненные из благородных материалов, были окружены антропоморфными природными камнями и деревьями существенно меньшего размера, символически отсылающими к образу многочисленных жертв государственного террора. Часть таких маленьких фигур помещена за решетку, что создает соответствующий контекст для советских памятников.

Некоторый сдвиг в понимании задач современного военного монумента можно отметить в связи с появлением в 2005 г. в московском районе Марьино памятника Солдату Отечества скульптора В. Суворцева. Солдат изображен полуобнаженным и босым, сидящим в позе уставшего человека. Он отложил автомат, склонил голову, на лице — отрешенность и безразличие. Вокруг фигуры размещены барельефные изображения всех войн XX в., в которых участвовали российские солдаты (включая малоизвестные и забытые, например, Англо-бурскую войну или Китайский поход Амурского казачьего войска). Напротив Чеченской войны стоит прочерк вместо даты (памятник был установлен в то время, когда регулярно совершались теракты, к этому году было убито пять руководителей республики, и ситуация была далека от стабилизации). В памятник включены и своеобразные «натюрморты», как называет автор присутствующие в композиции реальные образцы оружия Второй мировой войны (противотанко-

вое ружье, домкрат). Скульптор объясняет, что это «для того, чтобы пацаны могли своими руками потрогать эти железяки, поиграть с ними и чтобы люди гуляли там со своими детьми»*. Таким образом, интересно отметить его заботу о включенности памятника в повседневные практики жителей микрорайона, возможности взаимодействия зрителей с объектом. Памятник Солдату Отечества при некоторой наивности изобразительных приемов оказался открытым и близким зрителю. Неслучайно он стал местом встреч воинов-«афганцев», получил теплые оценки в официальной и не аффилированной с органами местного самоуправления прессе [9; 11].

Однако такой памятник является, скорее, исключительным примером. Вторая мировая война, как и прочие войны, как правило, не находит новых форм монументальной интерпретации. Как замечает Я. Ассман, повторение, канон в символических репрезентациях истории является «принципом, который усиливает коннективную структуру данной культуры в сторону непроницаемости для времени, невариативности» [3, с. 17]. Однообразие московских памятников, их следование советским канонам подтверждает наблюдения многих ученых о преобладании героического дискурса и «застывании» воспоминаний о главной российской войне в современную эпоху [1; 10; 12].

Список источников

1. Андреев Д. Пространство памяти : Великая Победа и власть / Д. Андреев, Г. Бордюгов. — М. : АИРО, 2005. — 56 с.
2. Ассман Я. Коллективная память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. — М. : Новое литературное обозрение, 2005. — С. 16—50.
3. Ассман Я. Культурная память : Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
4. Вельцер Х. История, память и современность прошлого // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. — М. : Новое литературное обозрение, 2005. — С. 51—63.
5. Гудков Л.Д. Память о войне и массовая идентичность россиян // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти : материалы к Междунар. форуму (Москва, сентябрь 2005 г.) / под ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. — Библиотека либерального чтения. Вып. 16. — М. : Фонд Фридриха Науманна ; АИРО-XXI, 2005. — С. 93—112.
6. Гудков Л.Д. Победа в войне: к социологии одного национального символа // Негативная идентичность. — М. : Новое литературное обозрение, 2004. — С. 20—58.
7. Дебрэ Р. Введение в медиалогию / Р. Дебрэ. — М. : Практик, 2009. — 368 с.
8. Колягина Н.К. Патриоты, бюрократы, аутсайдеры: стратегии взаимодействия с новыми российскими памятниками //

* Благодаря Наталье Конрадову, которая поделилась со мной аудиозаписью своего интервью со скульптором В. Суворцевым (февраль 2006 г.), в котором скульптор поясняет замысел, воплощенный в памятнике Солдату Отечества.

- Историческая разметка пространства и времени : материалы семинара (13 мая 2014 г.) / Волгогр. гос. ун-т ; Фонд Ф. Эберта ; под ред. И.И. Куриллы ; авт. предисл. И.И. Куриллы. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2014. — С. 89—112.
9. *Никитин С.* Марьино : достопримечательности спального района № 1 // Московское наследие. — 2006. — № 1. — С. 113—119.
 10. *Полян П.* Юбилей а la glavour? Российский организационный комитет «Победа» как естественная монополия // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. — М. : Новое литературное обозрение, 2005. — С. 282—296.
 11. *Потресов В.* Устали люди воевать [Электронный ресурс] // Московская среда. — 2005. — №7 (113). — URL: http://sharya-papers.narod.ru/moswed/2005/n07-2005_p01.pdf (дата обращения: 11.03.2015).
 12. *Рамазашвили Г.* Есть такая профессия — историю зачищать : ЦАМО РФ в преддверии 60-летия Победы // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. — М. : Новое литературное обозрение, 2005. — С. 297—313.
 13. *Ревзин Г.И.* Очерки по истории архитектурной формы / Г.И. Ревзин. — М. : ОГИ, 2002. — 144 с.
 14. *Рюзен Й.* Утрачивая реальность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. — М., 2001. — С. 8—25.
 15. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. — М. : Новое издательство, 2007. — 348 с.
 16. *Burke P.* History as Social Memory // Memory : History, Culture and the Mind. — Oxford : Basil Blackwell, 1989. — P. 97—113.
 17. *Carrier P.* Holocaust Monuments and National Memory : France and Germany since 1989 / P. Carrier. — New York ; Oxford : Berghahn, 2006. — 267 p.
 18. *Commemorations : The Politics of National Identity* / ed. by J.R. Gillis. — Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1994. — 304 p.
 19. *Gedi N.* Collective Memory — What Is It? / N. Gedi, E. Yigal // History and Memory. — 1996. — V. 8. — № 1. — P. 30—50.
 20. *Gillis J.R.* Memory and Identity : The History of relationship // Commemorations : The Politics of National Identity / ed. by J.R. Gillis. — Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1994. — P. 3—24.
 21. *Lessons and Legacies : Memory, Memorialization and Denial* / ed. by P. Hayes. — Evanston, Illinois : Northwestern University Press, 1999. — 303 p.
 22. *Linenthal E.T.* Sacred Ground : Americans and their Battlefields / E.T. Linenthal. — University of Illinois Press, 1993. — 352 p.
 23. *Mayo J.M.* War Memorials as Political Landscape : The American Experience and Beyond / J.M. Mayo. — New York ; Westport, Connecticut ; London : Praeger, 1988. — 306 p.
 24. *Memory : History, Culture and the Mind* / ed. by T. Butler. — Oxford : Basil Blackwell, 1989. — 189 p.
 25. *Merridale C.* War, Death, and Remembrance in Soviet Russia // War and Remembrance in the Twentieth Century / ed. by J. Winter, E. Sivan. — Cambridge : Cambridge University Press, 1999. — P. 61—83.
 26. *Mosse G.* Fallen Soldiers : Reshaping the Memory of the World Wars / G. Mosse. — New York : Oxford University Press, 1990. — 272 p.
 27. *Savage K.* Standing Soldiers, Kneeling Slaves : Race, War, and Monument in Nineteenth-Century America / K. Savage. — Princeton : Princeton University Press, 1997. — 288 p.
 28. *Schacter D.L.* Searching for Memory : The Brain, the Mind and the Past / D.L. Schacter. — New York, 1996. — 398 p.
 29. *Thelen D.* History-Making in America : A Populist Perspective // The Historian. — 1991. — V. 53. — № 4. — P. 633—648.
 30. *Winter J.* Remembering War : The Great War Between Memory and History in the Twentieth Century / J. Winter. — New Haven ; London : Yale University Press, 2006. — 352 p.
 31. *Winter J.* Sites of Memory, Sites of Mourning / J. Winter. — Cambridge : Cambridge University Press, 1995. — 310 p.
 32. *Young J.* The Counter Monument : Memory Against Itself in Germany Today // Critical Inquiry. — 1992. — V. 18. — № 2. — P. 267—296.

УДК 314.156.5:94(430)"19"

ББК 66.094+63.3(4Гем)63

КАУГАНОВ Е.Л.

«СПОР ГОЛЬДХАГЕНА»

И РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ВИНЫ В ФРГ В 1990-е ГОДЫ

В статье представлен анализ обсуждения книги Д. Гольдхагена «Добровольные исполнители Гитлера: обычные немцы и Холокост» — одной из ключевых дискуссий о немецком историческом и национальном самосознании в 1990-е годы. Рассматривается концепция «элиминаторного антисемитизма» Д. Гольдхагена, рецепция книги в средствах массовой информации и сообществе профессиональных историков. Если историки отнеслись к книге критически, то основная масса читателей восприняла ее позитивно. Автор объясняет данный феномен тем, что Д. Гольдхаген позволил провести четкую границу между тоталитарным нацистским прошлым и демократическим настоящим Германии.

Ключевые слова: ФРГ, нацизм, культура памяти, национальная идентичность, Гольдхаген.